

УДК 32

Гражданский диалог в управлении публичной политикой

Косоруков Артем Андреевич

Кандидат политических наук,
старший преподаватель,
факультет государственного управления, кафедра политического анализа,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: Kosorukovmsu@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрен гражданский диалог как политический феномен, определены его сущность и структура. Автором выделены и описаны основные функции гражданского диалога в сфере публичной политики – коммуникативная, интегративная, конфликтологическая, аксиологическая, диагностическая. На основе применения сравнительно-исторического подхода проанализированы специфические особенности гражданского диалога в России и странах Западной Европы, зависящие от различной исторической динамики периодов «огосударствления» и активизации гражданского диалога. Сделан вывод об объективной детерминации различий в характеристиках гражданского диалога опытом становления государственности в России и странах Западной Европы, определена ключевая характеристика отечественного гражданского диалога, а именно – его структурный дисбаланс, в результате которого государство получает возможность определять возможности и степень влияния институтов гражданского общества на систему публичной политики современной России.

Для цитирования в научных исследованиях

Косоруков А.А. Гражданский диалог в управлении публичной политикой // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 2А. С. 71-80.

Ключевые слова

Гражданский диалог, публичная политика, демократическое государство, «мягкое влияние», управленческое воздействие, структура гражданского диалога, функции гражданского диалога, реализация гражданского диалога, интенсивность гражданского диалога, Российская Федерация.

Введение

В современных условиях гражданский диалог представляет собой один из важнейших механизмов общественной интеграции, коммуникации людей по вопросу их убеждений и ценностных ориентаций, целей и норм развития общества, способствующий укреплению такого фундаментального социального ресурса как взаимопонимание и солидарность. При этом во многих странах наблюдается дефицит диалогичности, а также нарастают противоречия в сфере межгрупповой и межкультурной коммуникации, которые приводят к дальнейшему развитию и обострению социально-политических конфликтов. Одним из исторических механизмов преодоления вышеуказанных противоречий и конфликтов стал институт демократического государства, который в самом общем виде подразумевает открытое декларирование политических позиций и поддержание общественной открытости, коммуникативной толерантности и культуры конструктивного решения общественных проблем [Глухова, 2015, с. 266]. Налаживание гражданского диалога подразумевает целенаправленную коммуникативную активность представителей гражданского общества и отдельных его институтов в отношении структур государственной власти. С помощью гражданского диалога не только обеспечивается участие представителей наиболее активной части населения во внутриполитическом процессе, но и осуществляется управленческое воздействие на публичную политику.

Основная часть

Особую актуальность гражданский диалог приобретает на современном этапе развития публичной политики как целенаправленного курса государственной власти, затрагивающего интересы большого числа граждан. Определяя сущность категории «публичная политика», следует, на наш взгляд, согласиться с мнением А.В. Зайцева, который определяет ее как открытое пространство коммуникации, характеризующееся интенсивным диалогом государства и гражданского общества, которые совместно осуществляют процесс публичного управления. При этом ключевыми элементами публичной политики выступают гражданское общество и государство, диалог которых в публичной сфере опосредуется публичными институтами и механизмами обратной связи [Зайцев А.В., 2014, с. 1469].

Под публичной политикой следует понимать особую объективную реальность, в рамках которой реализуются такие сущностные характеристики внутриполитического процесса демократического государства как сотрудничество и координация, в рамках которых государство и гражданское общество пересекаются на уровне многочисленных публичных институтов. Государство, обеспечивая координацию и вовлечение в публичность частных и общественных интересов, на горизонтальном уровне налаживает сотрудничество как с гражданским обществом, так и между правительственными уровнями управления, министерствами и ведомствами. Управление публичной политикой в современном государстве все больше включает в себя деятельность по разработке и имплементации механизмов subsidiarity, открытого правительства, государственно-гражданского взаимодействия, открытых слушаний и общественных дискуссий, использования методов координации, мониторинга и оценки, технологий краудсорсинга и открытых данных [Сморгунов Л.В., 2015, с. 16].

Несмотря на поворот к проблематике государства в исследованиях публичной политики, институт гражданского общества остается важнейшим элементом управления публичной

политикой и публичной сферой. В этой системе фундаментальную роль играют не только общественные организации или объединения граждан, но и сложные многоуровневые процессы публичной коммуникации, сложившиеся процедуры взаимодействия между институтами гражданского общества и институтами публичной власти. К институтам гражданского общества следует отнести как институционализированные, так и еще только институционализирующиеся практики, способы, нормы и правила взаимодействия между государством, коммерческим сектором и гражданским обществом. В ходе протекания данных интеракций происходит репрезентация, согласование и лоббирование разнонаправленных интересов [Зайцев А.В., 2014, с. 1471].

Именно гражданское общество выступает основным источником и «заказчиком» диалогичности и дискурсивной толерантности в современной публичной политике и публичной сфере, что подчеркивают многие российские исследователи. Так, к примеру, Н.А. Баранов достаточно справедливо замечает, что «сущность публичной политики заключается в отражении интересов общества через диалог с властью посредством налаженного коммуникационного процесса, в котором принимают участие, с одной стороны, государство, с другой - институционализированное гражданское общество» [Баранов Н.А., 2013, с. 149]. Известные российские исследователи публичной политики В.Н. Якимец и Л.И. Никовская разделяют данный подход и утверждают, что реальное представительство социально-политических интересов общества «может осуществляться только в публичной сфере - сфере диалога, общения, договора с государством по общезначимым вопросам» [Никовская Л.И., Якимец В.Н., 2007, с. 34]. Подобную точку зрения разделяет С.А. Гадышев, говоря о том, что «публичная политика — это дискурсивная коммуникация, в основе которой находится многоуровневый диалог, где... преобладает субъект-субъектное взаимодействие [Гадышев А.С., 2010, с. 134].

Следует отметить, что двустороннее взаимодействие государства и институтов гражданского общества, выстроенное в диалогичной форме, является фундаментальным основанием публичной политики. Именно поэтому разнообразные институты публичной политики следует рассматривать в качестве совокупности «формальных и неформальных норм и правил, структурирующих взаимодействие между организациями гражданского общества и государством», а также коммуникацию между «третьим сектором», бизнесом («вторым сектором») и индивидами [Аузан А.А., Тамбовцев В.Л., 2005, с. 32].

На наш взгляд, управленческое воздействие гражданского диалога на сферу публичной политики определяется преимущественно степенью экономической и политической независимости субъектов диалога (институтов гражданского общества) от государственных структур. В этой связи следует констатировать прямо пропорциональную зависимость между степенью автономности структур гражданского общества от органов государственной власти и эффективностью потенциала их влияния на него, вследствие возможности принятия и реализации самостоятельных решений, принятых в интересах отдельных наиболее активных граждан, а также их трансляции в рамках гражданского диалога. В этом смысле представляется, что своеобразие частного интереса в структуре публичной политики определяет наибольшие возможности для его реализации.

Можно привести характерные примеры вышеуказанной тенденции – именно активность гражданского общества формирующегося буржуазного государства в ведущих странах Западной Европы и его автономность по отношению к структурам абсолютистского государства определили закрепление частного интереса в системе конституционно-правового

регулируемые указанные страны в форме института гражданских прав и свобод. И наоборот – формальная автономия гражданских институтов от государственных структур нивелируют их управленческий потенциал в рамках публичной политики. К сожалению, такую ситуацию можно наблюдать в развивающихся странах, переживающих этап становления правовой, демократической государственности.

Таким образом, субъекты гражданского диалога в идеале не должны реализовывать свое воздействие на сферу публичной политики по какому-либо указанию «сверху». Сфера гражданского общества формируется и функционирует на основе добровольности и равноправия индивидов, объединившихся «для достижения общих целей, связанных, в том числе с возможностью оказывать влияние на принятие управленческих решений» [Баранов Н.А., 2013 с. 149].

Представляется, что гражданский диалог как определенным образом организованный коммуникативный процесс обладает специфической структурной организацией. В первую очередь, диалогичная форма предполагает в качестве наиболее важных элементов своей организации наличие самостоятельных и активных гражданских субъектов, вступающих в процессы коммуникации. Данный процесс можно описать в рамках линейной, «однаправленной» коммуникации по модели Г. Лассуэлла, где в начале диалога один субъект взаимодействия выступает в активной роли инициатора коммуникации, задающего тематику, тон и градус дискурса [8]. Эту активную позицию данного субъекта можно охарактеризовать в качестве роли адресанта, актора или коммуникатора информации. В то время как другой субъект или субъекты коммуникации в этот момент выступают в роли адресата или реципиента, воспринимающего передаваемую информацию. На следующем этапе коммуникационного цикла происходит смена позиций, после чего активную роль адресанта-актора принимает на себя другой субъект политического дискурса, а предыдущий коммуникант становится адресатом или реципиентом, то есть воспринимающим информацию субъектом [Зайцев А.В., 2014, с. 1472].

Учитывая сущность гражданского диалога, в качестве его субъектов следует рассматривать, с одной стороны, разнообразные институты гражданского общества, а с другой – государственные структуры и органы государственной власти.

Кроме того, важным элементом структурной организации гражданского диалога, несомненно, является аудитория (публика в рамках концепции Ю. Хабермаса [Хабермас Ю., 2016]) – совокупность периодически политически активных граждан государства, которые фактически делегируют полномочия по представлению своих интересов вышеназванным субъектам гражданского общества. При этом следует отметить, что четкой грани между публикой и субъектами гражданского диалога не существует – в любой момент часть публики может взять на себя функции субъекта гражданского диалога.

Завершая рассмотрение сущностных характеристик гражданского диалога, необходимо отметить, что он может реализовываться как в очной, так и в заочной форме, иметь различную локализацию во времени и пространстве. На наш взгляд, последние характеристики также определяют его эффективность и результативность. В этой связи наибольшие значения данные параметры приобретают в случае постоянного осуществления гражданского диалога на территории всей страны. Такие характеристики свойственны государствам с устойчивыми и развитыми демократическими практиками.

На наш взгляд, принятие тех или иных управленческих решений является выражением степени влияния гражданского диалога на публичную политику. Под понятием

«управленческие решения» мы понимаем формализованные действия полномочных органов власти по оказанию воздействия на социальные отношения во всех сферах общественной жизни с целью их преобразования в контексте реализации публичных и частных интересов. Степень влияния гражданского диалога при этом выражается в уровне совпадения частного и публичного интереса.

Оказывая воздействие на сферу публичной политики, гражданский диалог способствует включению институтов гражданского общества и отдельных граждан в дискурсивный процесс выработки, принятия и имплементации управленческих решений на государственном уровне. Важно отметить, что принимаемые в рамках данного процесса публичные политические решения и программы не только осуществляются в интересах общества и направлены на удовлетворение его наиболее важных потребностей, но и подлежат через механизм обратной связи общественному контролю на каждом из этапов их разработки и реализации. В этом состоит не только легитимность принимаемых решений, но и легитимация самой власти [Зайцев А.В., 2014, с. 1470].

Реализация влияния гражданского диалога на сферу публичной политики осуществляется благодаря его функциональному потенциалу. По нашему мнению, следует выделять как минимум пять основных функций гражданского диалога, для которых характерна неодинаковая интенсивность реализации. Кратко охарактеризуем каждую из них в порядке иерархии по значимости.

Наибольшее значение имеет коммуникативная функция гражданского диалога, которая проявляется в обеспечении связи его субъектов в форме двустороннего взаимодействия, реализуемого в охарактеризованном выше формате.

Коммуникативная функция гражданского диалога в конечном счете определяет его интегративный функциональный потенциал (интегративная функция), проявляющийся в возможности объединения двусторонних усилий общества и государства для конструктивного разрешения возникающих проблемных аспектов публичной политики.

Конфликтологическая функция гражданского диалога позволяет фиксировать на его основе конфликтогенные ситуации и своевременно принимать необходимые меры для оперативного урегулирования возникающих проблем или институционализации конфликтной интеракции государства и организаций гражданского общества.

Аксиологическая функция способствует формированию устойчивых «правил игры», выраженных в ценностях политико-правовой культуры субъектов гражданского диалога.

Наконец, диагностическая функция, позволяющая установить характерные особенности системы публичной политики государства и определить его место среди политических акторов на международном уровне.

Обращаясь к российским реалиям, следует признать, что гражданский диалог в современной Российской Федерации имеет сложную и противоречивую историю своего становления, при этом его практическое управленческое воздействие на систему публичной политики имеет значительный потенциал для развития. Представляется, что такая ситуация объективна и обусловлена, в первую очередь, историческими особенностями развития отечественной государственности. Действительно, ретроспективный анализ ее развития обнаруживает тот факт, что в российской истории, в ее отдельные периоды чередовались как периоды радикального усиления государства и ослабления субъектности гражданского общества, так и периоды укрепления традиций гражданского диалога и как следствие – формирования широкого общественного согласия, выраженного в создании компромиссной

стратегии государственной политики, учитывающей как частные, так и публичные интересы.

Следует отметить, что в периоды «огосударствления» сферы гражданского диалога ключевые характеристики публичной политики задавались «сверху» со стороны властной политической элиты, в связи с чем существовали очевидные диспропорции в отстаивании частных и публичных интересов. Ведущим инструментом такого властного программирования являлись официальные идеологические концепты («православие-самодержавие-народность», «единство многонационального советского народа»), которые не предполагали развития вне своих рамок концептуально выраженной и организационно оформленной гражданской инициативы, влияющей на управленческие решения. Иначе говоря, структуры гражданского общества на протяжении длительного времени должны были лишь принимать «правила игры», утвержденные государством, которые и определяли незначительный характер интеграции гражданских институтов в сферу публичной политики.

В постсоветский период истории России, несмотря на декларирование в Конституции 1993 г. правовой демократической государственности, ситуация с развитием гражданского диалога фундаментальным образом не изменилась. В этой связи отметим, что хотя действующий Основной закон предусматривает широкие возможности для формирования гражданского диалога, вплоть до настоящего времени в его рамках отсутствует «статусный баланс» сторон. Как представляется, данное обстоятельство, обусловлено, в первую очередь, слабой заинтересованностью государства и недостаточным общественным запросом, который мог бы действительно сформировать сферу публичной политики. Политика централизации и иерархии, недостаточное использование методов координации, общественной оценки, открытых слушаний и дискуссий в ходе разработки и реализации государственной политики, вспомогательный характер использования технологий краудсорсинга и открытых данных, недостаточные полномочия и возможности открытого правительства, преобладание административно-государственных механизмов над государственно-гражданским и государственно-частным взаимодействием определяют «статусный дисбаланс» участников гражданского диалога в современной России.

При этом на уровне публичного политического дискурса в России сохраняется номинальная значимость гражданского диалога и признается важность открытых дискуссий в управлении российской публичной политикой. Как справедливо отмечает А.В. Глухова, дискуссии и обсуждения, которые традиционно ведутся в парламентской среде, в российском случае не столь заметны и очевидны, как в странах Западной Европы, при этом характеризуются доминированием ряда крупных политических сил, в большей степени реагирующих на инициативы исполнительной ветви власти, а не конкурирующих за установление относительного контроля над политической повесткой и общественным мнением. Но даже если бы дискуссии и обсуждения велись в пространстве конкуренции политических партий, выступающих в качестве «избирательных машин», они не могли бы заменить собой процесс целенаправленного и результативного диалога в самом гражданском обществе [Глухова А.В., 2015 с. 17]. Более того, сегодня многие позиции, точки зрения, не согласующиеся с позицией или не находящих свое отражение в рамках государственных теле- и радиоканалов, газет и журналов, ориентирующихся в основном на позиции и интересы политико-корпоративной власти, уже находят свое выражение в сети Интернет. Общество, которое еще совсем недавно, в советский период новейшей истории, было неразрывно связано с государством и не рассматривало себя как равного участника «статусного баланса», сегодня все больше стремится

достичь подобного баланса и достаточно внимательно относиться к вопросу должного представительства своих интересов в парламенте. Однако помимо представительства общество заинтересовано в контроле за своими представителями и возможности оказания влияния на исполнительную ветвь власти – с использованием как парламентских механизмов, так и с использованием медиаканалов и практики прямых обращений в органы исполнительной власти. Более того, гражданский диалог воспринимается обществом как инструмент воздействия на принимаемые государством решения, которые должны приниматься и реализовываться в публичной сфере, находящейся под постоянным контролем со стороны гражданского общества и формирующегося общественного мнения.

По нашему мнению, такое представление о состоянии современного гражданского диалога и о его влиянии на публичную политику в РФ действительно сложно оспорить. Вместе с тем необходимо обратить внимание на два аспекта.

Во-первых, нельзя сказать о том, что российская правящая элита во главе с Президентом не предпринимают практических шагов для активизации двустороннего диалога с институтами гражданского общества. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, институциональные изменения или адаптация государственного механизма к новым условиям, связанные с появлением таких структур как Общественные палаты на всех уровнях государственного управления¹, Общественные советы при исполнительных органах государственной власти², Общественные наблюдательные комиссии, функционирующие на всех уровнях власти и имеющие официальный статус субъектов общественного контроля [www, Общественные наблюдательные комиссии], а также системы Уполномоченных, представляющих интересы отдельных структур гражданского общества³. Кроме того, обращает на себя сложившаяся в последнее время практика расширенных пресс-конференций Президента РФ, в ходе которых предоставляются широкие возможности для конструктивного диалога с журналистской аудиторией.

Во-вторых, учитывая объективные характеристики исторического развития не только отечественного государства, но и общества, с нашей точки зрения, очевидна невозможность полноценного копирования западного опыта реализации гражданского диалога и всего контекста публичной политики. В этой связи представляется, что гражданский диалог, несомненно, должен иметь место и оказывать определенное влияние на внутривластный процесс нашей страны, но в институциональных и правовых рамках, определяемых политическими устоями российского государства.

Иначе говоря, с нашей точки зрения, не представляется возможным вести речь об организации абсолютного общественного контроля со стороны институтов гражданского общества за властными структурами. Поэтому отечественный вариант гражданского диалога, несомненно, необходим, но в его рамках не может быть достигнут стопроцентный статусный паритет субъектов. В результате характеристики системы публичной политики еще долго будет определять государство при определенном и все более заметном участии структур гражданского общества. Именно государство на современном этапе развития публичной политики будет нести

---

¹ Федеральный закон от 04.04.2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»

² Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»

³ Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

на себе все большее бремя издержек от недостаточно эффективного гражданского диалога и компенсировать его своими статусными и материальными ресурсами, при этом по мере развития гражданского общества и «гражданской состоятельности» [Волкова А.В., 2014, с. 46] часть издержек и ответственности за укрепление гражданского диалога будет неизбежно переходить к нему от государства.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать следующее. Гражданский диалог, несомненно, является важнейшим практическим проявлением существования правовой демократической государственности и системы публичной политики. Его сущность определяется наличием особой «коммуникативной реальности», в рамках которой реализуется взаимодействие институтов гражданского общества и государства. Гражданский диалог имеет определенную структуру и функциональный потенциал, посредством которого он оказывает воздействие на систему публичной политики. Интенсивность гражданского диалога и результативность его влияния определяются, в первую очередь, объективными характеристиками общественно-политического развития отдельного государства. В связи с этим современный гражданский диалог в РФ имеет свою специфику в сравнении со странами западной Европы, главным выражением которым является ведущая роль государственных структур и следовательно – «статусный дисбаланс» его структуры.

Библиография

1. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas. / Ed.: L. Bryson. – New York: Harper and Brothers, 1948. P. 37-51.
2. Аузан А.А., Тамбовцев В.Л. Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. - № 5. – 2005. - С. 28-49.
3. Баранов Н.А. Публичность в контексте российской политики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. - № 3 (16). - 2013. - С. 149-153.
4. Волкова А.В. Управляемость государства и гражданская состоятельность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - № 4 (42). – 2014. – С. 44-47.
5. Гадышев А.С. Современные подходы к определению публичной политики // Гуманитарный вектор. – №3 (27). 2010. - С. 132-134.
6. Глухова А.В. Гражданский диалог как механизм формирования публичной политики: современные тенденции и проблемы России / Управление публичной политикой: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. - С. 266-282.
7. Глухова А.В. Гражданский диалог как механизм формирования публичной политики: современные тенденции и проблемы России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия история, политология, социология. - № 3. – 2015. - С. 11-20.
8. Зайцев А.В. Диалог государства и гражданского общества, его роль и место в институциональном дизайне публичной политики // Политика и общество. – № 12. - 2014. - С. 1469-1478.
9. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Политика. - №1. - 2007. - С. 30-51.
10. Общественные наблюдательные комиссии РФ. Официальный сайт ОНК.РФ // <http://onk.su/> (дата обращения 23.04.2018).
11. Сморгун Л.В. Управление публичной политикой: становление научной дисциплины / Управление публичной политикой: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. - С. 10-18.
12. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. - М.: Весь Мир, 2016. - 344 с.

Civil dialogue in the management of public policy

Artem A. Kosorukov

PhD in Political Science,
Senior Lecturer, Faculty of Public Administration, Department of Political Analysis,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Kosorukovmsu@mail.ru

Abstract

The article considers civil dialogue as a political phenomenon, its essence and structure are defined. The author singles out and describes the main functions of civil dialogue in the sphere of public policy - communicative, integrative, conflictological, axiological, diagnostic. Based on the application of the comparative historical approach, specific features of the civil dialogue in Russia and in Western European countries are analyzed, depending on the different historical dynamics of the periods of "statehood" and the intensification of civil dialogue. A conclusion is made about the objective determination of differences in the characteristics of civil dialogue in the experience of the formation of statehood in Russia and in Western Europe, and a key characteristic of the domestic civil dialogue is identified, namely, its structural imbalance, because of which the state can determine the opportunities and the degree of influence of civil society institutions on the system public policy of modern Russia.

For citation

Kosorukov A.A. (2018) Grazhdanskij dialog v upravlenii publichnoj politikoj [Civil dialogue in the management of public policy]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (2A), pp. 71-80.

Key words

Civil dialogue, public policy, democratic state, "soft influence", management impact, structure of civil dialogue, functions of civil dialogue, implementation of civil dialogue, intensity of civil dialogue, Russian Federation.

References

1. Auzan A.A. Tambovcev V.L. (2005) Jekonomicheskoe znachenie grazhdanskogo obshhestva. *Voprosy jekonomiki*. 5. P. 28-49.
2. Baranov N.A. (2013) Publichnost' v kontekste rossijskoj politiki. *Vestnik SanktPeterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*. 3 (16). P. 149-153.
3. Gadyshev A.P. (2010) Sovremennye podhody k opredeleniju publichnoj politiki. *Gumanitarnyj vektor*. 3 (27). P. 132-134.
4. Gluhova A.V. (2015) Grazhdanskij dialog kak mehanizm formirovanija publichnoj politiki sovremennye tendencii i problemy Rossii. *Upravlenie publichnoj politikoj*. Moscow. *Izdatel'stvo «Aspekt Press»*. C. 266-282.
5. Gluhova A.V. (2015) Grazhdanskij dialog kak mehanizm formirovanija publichnoj politiki sovremennye tendencii i problemy Rossii. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija istorija politologija sociologija. 3. P. 1120.
6. Habermas J. (2016) Strukturnoe izmenenie publichnoj sfery Issledovanija otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshhestva. Moscow. *Ves' Mir* 344 P.

7. Lasswell H.D. (1948) The Structure and Function of Communication in Society. The Communication of IdeaP. Ed. L. Bryson. New York Harper and Brothers P. 37-51.
8. Nikovskaja L.I. Jakimec V.N. (2007) Publichnaja politika v sovremennoj Rossii mezhdru korporativnobjurokraticeskim i grazhdanskomodernizatorskim vyborom. Politija. 1. P. 3051.
9. Obshhestvennye nabljudatel'nye komissii RF. Oficial'nyj sajt ONK. RF. [http.onk.su](http://onk.su).
10. Smorgunov L.V. (2015) Upravlenie publichnoj politikoj stanovlenie nauchnoj discipliny. Upravlenie publichnoj politikoj Kollektivnaja monografija. Moscow. Izdatel'stvo «Aspekt Press». P. 1018.
11. Volkova A.V. (2014) Upravljaemost' gosudarstva i grazhdanskaja sostojatel'nost'. Istoricheskie filosofskie politicheskie i juridicheskie nauki kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 4 (42). P. 44-47.
12. Zajcev A.V. (2014) Dialog gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva ego rol' i mesto v institucional'nom dizajne publichnoj politiki. Politika i obshhestvo. 12. P. 1469-1478.